

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ ТЕХНОЛОГИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

И.В. Бурмыкина

Липецкий государственный педагогический университет,
e-mail: ivburma@yandex.ru

Описаны особенности преобладающих типов действий в рамках отечественной культурно-исторической традиции. Выявлены проблемы национальной социокультурной легитимации идеи рациональной организации социального пространства, специфики социально-технологической культуры. Показаны возможности рационализации поведенческих регуляторов деятельности российских руководителей, формирования их социально-технологической культуры.

Ключевые слова: социальные технологии, социально-технологическая культура, социокультурные особенности, социальные регуляторы деятельности руководителя, социальное управление.

Одной из ведущих тенденций современной теории социального управления является концептуализация идеи технологизации управленческого процесса, социального пространства в целом. Это связывается с логикой развития цивилизаций и выводами об эффективности применения социальных технологий. Академик В.С.Степин, анализируя понятие «цивилизация», отмечает, что цивилизационные достижения связаны как с технологическим освоением природы, так и с совершенствованием средств регуляции социальных отношений, к которым можно отнести и управление как социальный институт [1].

В современной техногенной цивилизации решающую роль играет постоянный поиск и применение новых технологий, причем не только производственных технологий, обеспечивающих экономический рост, но и технологий социального управления и социальных коммуникаций.

Ценности техногенной цивилизации легли и в основу теории и практики социальных технологий как специфических процедур преобразования социальной реальности. К числу таких процедур относятся:

- целесообразность, сознательность действий, выражающаяся в четкой формулировке целей, способности выстроить их иерархию, опираясь на представление о наиболее актуальных социальных проблемах;
- упорядоченность и планомерность деятельности, которые возможны на основе отмеченной выше целесообразности, с одной стороны; с другой, - являются логическим следствием наличия концепции управления;
- расчлененность и дифференцированность действий. Социальные технологии имеют место лишь в тех случаях, когда осуществляется разделение социального действия на отдельные процедуры;
- рациональность, научный подход. Социальные технологии могут опираться только на рациональное отношение к действительности и на научное знание;
- рефлексивность, условием которой является постоянная критическая самооценка субъекта социального действия, применяемых им методов познания и преобразования социальной действительности.

То есть социальные технологии выступают как рационально организованные, основанные на научных знаниях процедуры преобразования социальных отношений, в основе которых лежат ценностно-целевые установки субъектов социального действия. Последние, в свою очередь, рассматриваются как рационально мыслящие и действующие субъекты, способные осмысленно ставить цели, прогнозировать последствия действий, калькулировать риск, вероятные потери и выгоды, рефлексировать по отношению к себе

и собственным познавательным способностям, обладающие технологическим мышлением и целерациональным поведением.

Ученые, занимающиеся разработкой социальных технологий убеждены, что они могут рассматриваться как продолжение и практическое применение к обществу (социуму) в целом производственных технологий, имеют универсальный характер, способны эффективно разрешать общественные проблемы, поставить заслон на пути администрирования, которое основывается на применении волевых, субъективных методов управления и в конечном счете оказывается неэффективным [2]. Л.Я. Дятченко подчеркивает: «Социальные технологии не имеют принципиальных отличий от технологий в сфере материального производства, поскольку возможность технологизировать любой социальный процесс заложена в структуре человеческой деятельности и в самой природе человека» [3].

Практика применения социальных технологий у нас в стране показывает, что они действительно способствуют более или менее эффективному разрешению общественных проблем, но вместе с тем их реализация встречается со многими трудностями, барьерами наиболее существенным из которых авторы выделяют социокультурный [4]. Он связан с особенностями отечественной культурно-исторической традиции, национальным характером.

Преобладающими типами действий в рамках отечественной культурно-исторической традиции были аффективный и традиционный, что предопределило чаще всего иррациональный подход к определению наиболее привычных форм поведения большинством населения, который не просто был легитимирован русской культурой, но стал одним из формирующих ее факторов, превратившись в своеобразный гипотетический императив [5]. Раскрывая его содержание, В.Н. Брюшинкин пишет: «Русские доверяют бытию. Недоверие к рациональности и культуре в то же время означает, что мы верим в независимое от нас сверхрациональное бытие, которое в целом благоприятствует человеку и которое больше и умнее человека и человечества. Доверие к бытию сказывается в знаменитом русском «авось». «Кривая вывезет» говорят у нас, противопоставляя бытийственную иррациональную «кривую» рациональной прямой, которая, несмотря на весь свой прямолинейный «ясный и отчетливый характер», редко выводит в проектируемый конечный пункт» [6].

И.Г. Яковенко, исследовавший историю российской государственности с позиции социокультурного анализа, считает, что синкретизм как представление (образ) о нерасчлененной целостности окружающего мира, генетически восходит еще к родовому состоянию [7]. Синкретизмом И.Г. Яковенко объясняет многие явления культурной реальности, в которой существует российская государственность. К ним относится и «загадочность» русской души, ее исконный эсхатологизм, неприятие реального, немифологизированного государства, не сводимого к образу «народного царя», тяга к личным контактам, неприятие формализованных процедур, бунт, смирение, бегство от власти, конфликт установок сердечной привязанности и рационализма, что ведет к неупорядоченности культурного пространства, его хаотизации. В самом общем виде такие феномены можно охарактеризовать как парадоксальное «сочетание несочетаемого» (Ж.Т. Тощенко) [8].

Отечественные ученые выделяют комплекс черт, присущих российским управленцам, в частности чиновничеству [9] которые не вполне отвечают идее социальных технологий как рациональной организации деятельности. Среди них отмечают импульсивность, которая, с одной стороны, настраивает индивида на нерегламентированные и спонтанные действия, с проявлением при этом находчивости (инициативы), с другой стороны, предполагает аттрактивную мотивацию (аттрактивный мотив противоположен рациональному: человек выбирает ценности и осознанно не рассчитывает средства) [10]; недостаточная целесообразность действий, дефицит стратегического мышления, ориентация в большинстве случаев на ситуацию, а не на перспективу; квазирациональность; нерелексивность мышления [11].

Налицо противоречие между требованиями рациональной организации социального управления, идеей технологизации социальных процессов и социокультурной традицией, следствием которого может стать вывод о «минимальных предпосылках для принятия идеи необходимости освоения и использования социальных технологий» [12]. Однако согласиться с таким выводом нам не позволяют следующие соображения.

Во-первых, само понятие рациональности претерпевает значительные изменения, обусловленные критикой классического типа и попыткой сформулировать принципы неклассического понимания рациональности. В современных философских и социальных исследованиях уже не раз высказывалась мысль о том, что развитие техногенной цивилизации, основанной на ценностях формальной рациональности, подошло к критическим рубежам, которые обусловлены глобальными кризисами (экономическим, экологическим, антропологическим и др.) [13].

Современная наука и техника, сохраняя общую установку на преобразование объективного мира, втягивает в орбиту человеческого действия принципиально новые типы объектов, которые меняют тип рациональности и характер деятельности, реализующийся в производственных и социальных технологиях. Речь идет о сложных саморазвивающихся системах, среди которых главное место занимают человекообразные, включающие человека в качестве своего особого компонента, в придании научно-техническому развитию гуманистического измерения, что, в свою очередь ставит проблему нового типа научной рациональности, включающей в себя в явном виде гуманистические ориентиры и ценности [14].

Академик В.С. Степин выделяет основные «точки роста» новых ценностей, изменяющих прежнюю стратегию развития, новое отношение к миру, который диктуется ситуациями современных социальных изменений [15].

Первая из них связана с глобализацией человечества, возрастающей целостностью и взаимозависимостью отдельных стран и регионов, поиском новых стратегий социализации человека и его воспитания в духе толерантности, уважения к достижениям различных культур, поиска консенсуса, согласия при решении конфликтных проблем, что означает пересмотр идеала силы и власти, господства над объектами, обстоятельствами, социальной средой, требуя критического анализа всей новоевропейской культурной традиции. Все это постепенно формирует в качестве основной стратегии социальной жизни идеалы ненасилия и приоритета общечеловеческих ценностей.

Вторая связана с тем, что объекты, которые представляют собой развивающиеся человекообразные системы, требуют особых стратегий деятельности. Этим системам свойственны синергетические эффекты, и в них существенную роль начинают играть несиловые взаимодействия, основанные на кооперативных эффектах. Установка на активное силовое преобразование объектов при взаимодействии с такими системами уже не является продуктивной. Третья «точка роста» новых ценностей заключается в том, что в стратегиях деятельности со сложными человекообразными системами возникает новый тип интеграции истины и нравственности, целерационального и ценностнорационального действия. Реальное воздействие на нее с целью познания или технологического изменения всегда связано с проблемой выбора определенного сценария развития из множества возможных. И ориентирами при этом служат не только знания, но и нравственные принципы, налагающие запреты на опасные для человека эксперименты с системой и ее преобразованием.

Несмотря на то, что М. Вебер предсказывал в начале XX века рост рациональности в социальной жизни, он не мог предположить, что изменится и сам тип рациональности. Хотя, отмечая несомненные преимущества рационального господства, М. Вебер, тем не менее, признавал его латентные, скрытые опасности в виде «иррациональных элементов» предупреждал о возможности иррациональной рациональности.

Тип научной рациональности сегодня изменяется, но сама рациональность по-прежнему необходима, в том числе и для понимания и диалога различных культур, который невозможен без рефлексивного отношения к их базисным ценностям. «Поскольку всякое развитое общество является сложной иерархической системой с многочисленными пересекающимися социальными и деятельностными структурами, постольку в обществе существует не одна единственная, а множество взаимодействующих, частично совпадающих и одновременно конфликтующих рациональностей» [16].

В универсальном эволюционализме, который считается фундаментальной метапарадигмой современной научной картины мира, управление начинает занимать место одной из основополагающих категорий, с которыми связывают реализацию ноосферного потенциала в сохранении жизни на земле и осуществление эпохального перехода к коэволюционному развитию природы и человеческой цивилизации [17]. Управлению придется коренным образом перестраиваться путем пересмотра сложившегося типа рациональности, согласиться с тем, что оно относится к феноменам «неполной рациональности» [18].

Расширение образа рациональности происходит за счет включения в него экзистенциально-духовного, культурно-исторического и даже обыденного знания. Представление о том, что жизнедеятельность выступает в роли социоприродного единства и является выражением субъективного опыта личности (западная традиция) и в одной из своих ипостасей включает идею Абсолюта и его неразрывного единства с человеком (русская традиция), может стать источником более глубокого и полного понимания проблемы рационального, расширить горизонты рациональности в поисках оснований неклассического понимания рациональности.

Во-вторых, традиция не противостоит новациям, это, на наш взгляд, популярное заблуждение. Творческое видоизменение традиции Ш.Эйзенштадт называет реконструкцией [19]. Итогом реконструкции является усвоение традицией новых образов, идей и способностей, в частности, комплексов рациональности и личности. Рациональное мировоззрение сегодня в значительной степени, хоть и с определенными издержками утверждается и в России. Да и в истории России существовали примеры рациональной организации жизнедеятельности, правда, на другой идеологической (точнее религиозной) почве – старообрядничество [20].

В-третьих, целерациональным типом социального действия не исчерпывается такое сложно-структурное и многофункциональное явление, как управление и социальные технологии.

Западная, прежде всего американская традиция в трактовке управления как менеджмента не может быть исчерпывающей. В США прагматизм выступает как национальная черта характера [21]. Это не только социально одобряемый стандарт успешного поведения, но и философско-мировоззренческий принцип, развитый трудами Пирса, Джемса, Дьюи и Мида. В иных культурах, и в частности в России, проблематика управления связана с другими моральными ценностями, с представлением о взаимопомощи в процессе коллективного труда и социальной справедливости. В российской философии (В.С. Соловьёв, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк) и в науке (А.А. Богданов, Н.Д. Кондратьев, В.И. Вернадский) всегда были сильны поиски ответов на вопросы более счастливого жизнеустройства народа, общества, а не достижение успеха лишь его отдельными представителями. Даже этимологически слова «шападе» и «управление» различаются в английском и русском словарях. Если в английском это - действие, направленное на достижение цели, означающее умение обращаться, владеть, усмирять, ухитряться и, конечно, заведовать, стоять во главе, то в русском, у В.И. Даля, оно идет от слов «управа», «управляемое место», от слов «справляться», «правильно вести дело», «править», «давать ход», «направлять», «преодолевать преграды», «приводить в порядок» [22]. Это два различающихся «культурных кода». Если в первом доминирует целевое воздействие как

движение к успеху, то во втором это больше напоминает воздействие, правильно направляемое и упорядочивающее. В этой связи неслучайным стало разделение понятий «менеджмент» и «управление» в отечественной социологии [23].

Наличие «культурного кода» позволяет говорить о социокультурных особенностях социальных технологий и социально-технологической культуры, соответственно о существовании западного типа социально-технологической культуры, восточного, российского и других.

В основу определения российских социокультурных особенностей социально-технологической культуры, считаем возможным положить поведенческие регуляторы деятельности российских руководителей, в частности государственных служащих [24].

Среди основных отличительных особенностей социально-технологической культуры отметим следующие:

1. Сочетание аттрактивной и рациональной мотивации поведения, основанной на стремлении следовать нормам и ценностям.
2. Коллективизм как способ взаимоотношений российских индивидов.
3. Вертикальная иерархия подчинения. Россию, по выражению В.А. Ядова, умом можно понять, если серьезно рассмотреть вертикальные социальные связи между поколениями. «Институциональные матрицы России формируют по преимуществу вертикальные, а не горизонтальные социальные взаимодействия» [25].
4. Этическая модель поведения определяется принципом «следуй образцу поведения лидера».
5. Импульсивность в поведении и принятии решений.

Выделение характерно российских социокультурных особенностей социально-технологической культуры позволяет существенно дополнить требования к проектированию социальных технологий, технологизации социальных процессов.

Во-первых, учет аттрактивной, усиление рациональной мотивации поведения основанной на стремлении следовать нормам и ценностям, ориентация на достижение общественных целей, для общего блага, «во имя...» и четкое нормирование (в том числе правовое) технологии деятельности, «что можно, а что нельзя», цельная документальная система регуляции поведения. Организационно это может быть оформлено в виде ритуала, так как он дает выгод чувству социальной принадлежности, и вместе с тем, требует подчинения себе без раздумий и обеспечивает ощущение порядка, формы, поддерживает определенность поведения в неопределенных обстоятельствах, способствует формированию технологической дисциплины.

Во-вторых, поскольку влияние принципа коллективизма прослеживается как в социально адекватных, так и в аномийных чертах поведения (аномийные формы возникают тогда, когда действия индивида оказываются под влиянием индивидуалистической регуляции личной ответственности, личного риска, личного достижения по принципу "что не запрещено, то разрешено" [26]), необходимы групповые формы организации деятельности и ответственности, при этом четкое обозначение зоны личной ответственности.

В-третьих, иерархичная система статусов, чинов, разрядов основанная на преимущественно вертикальных социальных взаимодействиях должна быть организационно дополнена горизонтальными связями с возможностью принимать самостоятельные решения в пределах компетенций по средствам и срокам достижения цели в конкретных проектах, отбор сотрудников по принципу профессиональной компетенции и порядочности, а не личной преданности, объективная оценка кадров, разработка системы стимулов управляющих карьерой, работающая как длительный механизм стимуляции. Это позволит, с одной стороны, «выплеснуть» присущую русскому человеку импульсивность, проявить смекалку, инициативу, энтузиазм, с другой стороны, не даст этим качествам принять аномийную форму.

И, последнее, но, вероятно, самое главное: так называемое «правило первого лица» [27] в России всегда играло ключевую роль, поэтому особые требования должны предъявляться к этическим, ценностным основаниям модели поведения руководителя.

Будучи в содержательном отношении нейтральными к намерениям субъектов и объектов социального управления, технологии, как и всякий набор инструментов преобразования общества, зависят от этих намерений в функционально-целевом смысле [28].

Выполнение представленных условий позволит, на наш взгляд, обеспечить возможность социокультурной легитимации идеи технологизации российского социального пространства, способствовать формированию социально-технологической культуры российского руководителя.

Список литературы

1. Человек. Наука. Цивилизация: К 70-летию академика В.С. Степина. – М., 2004.
2. Дятченко Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами. – Белгород: Центр социальных технологий, 1993. – 343 с. – С. 52.
3. Дятченко Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами. – Белгород: Центр социальных технологий, 1993. – 343 с. – С. 35.
4. Бабичев В.П. Противоречия и проблемы технологизации государственного и муниципального управления в регионе // Социально-технологическая культура как феномен XXI века: Материалы Международ. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Л.Я. Дятченко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – Ч. I. – С. 249-253.
5. Броснякин В.Н. Феноменология русской души // Вопросы философии. – 2005. – № 1. – С. 31.
6. Броснякин В.Н. Феноменология русской души // Вопросы философии. – 2005. – № 1. – С. 31.
7. Яковенко И. Г. Российское государство: дополнительность социального и культурного анализа // Россия: трансформирующееся общество / Под. ред. В. А. Ялова. – М., 2001. – С. 175 и др.
8. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. – М.: Градарики, 2001; Мизанжанин М.О. Парадоксальный человек в парадоксальном обществе // Социологические исследования. – 2006. – № 6. – С. 13–19.
9. Захаров Н.Л. Социальные регуляторы деятельности российского государственного служащего. – М.: РАГС, 2002.; Игнатов В.Г., Майборода С.О., Поведальников А.В., Старостин А.М. Государственный служащий современной России: социально-политический анализ деятельности и ценностных ориентаций: региональный уровень. – Ростов-на-Дону, 1997.
10. Захаров Н.Л. Социокультурные и профессиональные регуляторы поведения российского чиновника // Социологические исследования. – 2004. – № 3. – С. 113-121.
11. Бабичев В.П. Проблемы технологизации государственного и муниципального управления в регионе // Социальные технологии в современном управлении: Об. науч. тр. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – Вып. 1. – С. 6-17.
12. Бабичев В.П., Тимченко С.М. Технологическое мышление в эпоху постмодернизма // Современные технологии в социальном управлении: Об. науч. трудов. – Вып. 3. – Белгород: Белгородский институт государственного и муниципального управления (филиал) Орловской региональной академии государственной службы, 2005. – С. 5-14. – С. 14.
13. Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с. – С. 29-36.
14. Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Этика науки. Проблемы и дискуссии. – М., 1986; Фролов И.Т. О человеке и гуманизме. – М., 1989.
15. Степин В.С. Высокие технологии и проблема ценностей // Высокие технологии и современная цивилизация. Материалы Международной научной конференции «Высокие технологии: влияние на гуманитарную и социальную сферы» // Режим доступа к над. <http://www.philosophy.ru/iphgas/library/tech/vysok.html>.
16. Рахитов А.И. Философия компьютерной революции. – М., 1991. – С.14.
17. Мосеев Н.Н. Современный рационализм. – М., 1996. – С. 320-327.
18. Тихонов А.В. Социология управления. – М.: «Калев» РООИ «Реабилитация», 2007. – 472 с. – С. 27.
19. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование общества. Сравнительное изучение цивилизаций. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 416 с.
20. См.: Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. – М., 1992; Сажин В.В. Национальное самосознание русских (Социологический очерк) – М., 1996; Барулин В.С. Российский человек в XX веке. Потери и обретение себя. – СПб, 2000.
21. Грейсон Дж. Американский менеджмент на пороге XXI века. – М., 1991; Петов А.В. Теория и организация американского менеджмента. – М., 1991.
22. Моллер В.К. Англо-русский словарь. – М., 1991. – С. 430; Даль В.И. Толковый словарь. – М., 1994. – Т. 4. – С. 1046.
23. Щербина В. В. Особенности менеджмента как направления управленческой деятельности // Социологические исследования. – 2001. – № 10; Кривченко А. И., Тюркина И. О. Социология управления: фундаментальный курс. – М., 2005. – С. 5; Клевцетов Д. С. Социология управления. – М., 2006. – С. 53; и др.
24. Захаров Н.Л. Социальные регуляторы деятельности российского государственного служащего. – М.: РАГС, 2002.

25. Ядов В.А. Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // *Россия реформируется*. – М., 2002. – С.352.
26. Захаров Н.Л. Социокультурные и профессиональные регуляторы поведения российского чиновника // *Социологические исследования*. – 2004. – № 3. – С. 113-121.
27. Одно из основных понятий построения системы менеджмента качества. См., например: Деминг Э. Выход из кризиса. – Тверь: Альба, 1994. – 498 с.
28. Бабичев В.П. Социальные технологии в управлении: аксиологический аспект исследования // *Современные технологии в социальном управлении*: Сб. науч. тр. Вып. 2. – Белгород: Белгородский институт государственного муниципального управления (филиал) ОРАГС, 2004. – 236 с. – С. 5-11.

PROBLEMS SOCIOCULTURAL LEGITIMATED TECHNOLOGIES SOCIAL SPACE

I.V. Burmykina

Lipetsk state pedagogical university, Russia;
e-mail: ivburma@yandex.ru

Features of prevailing types of actions within the limits of domestic cultural-historical tradition are described. Problems national sociocultural legitimated ideas of the rational organization of social space, specificity of socially-technological culture are revealed. Possibilities of rationalizations of behavioral regulators of activity of the Russian managers, formations of their socially-technological culture are shown.

Keywords: social technologies, socially-technological culture, sociocultural features, social regulators of activity of the head, social management.